
Елена К.
Иван Тапильс и вестники смерти

Елена К.

Иван Тапильс и вестники смерти

https://litres.ru/74717143
SelfPub; 2026

Аннотация

Иван Тапильс и вестники смерти— городское фэнтези.

Иван и его друзья стоят на хрупкой границе между Явью и Навью — мирами живых и теней. Их оружие — не только меч и заклинания, но и простые человеческие вещи: льняной науз, старая чашка на подоконнике, приветствие соседу. В поисках защиты города они встречают волшебные артефакты — Источник вечной молодости, Зеркало вероятностей, Заколдованное каноэ и Таблицы судеб, — но быстро понимают: ни один из них не даст лёгкого спасения.

В этой истории — не бесконечное богатство, а символ цены, которую приходится платить за каждый шаг. Героям предстоит осознать, что настоящая сила — в ответственности, внимательности и поддержке друг друга. Смогут ли они удержать границу, когда тьма подбирается всё ближе? И какую цену придётся заплатить, чтобы сохранить свой мир?

Для поклонников мистического городского фэнтези с глубокой моралью и атмосферой, где повседневность становится магией.

Содержание

Глава 1. Кабинет на Марата, где даже тишина говорит по делу 7
Глава 2. Тени в метро и перо, которое не хочет быть просто пером 13
Глава 3. Ворон, который знает больше, чем положено 17
Глава 4. Когда предметы начинают шептать 23
Глава 5. Когда скептик перестаёт закрывать глаза 29
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Елена К.
Иван Тапильс и вестники смерти

От автора с лёгким поклоном и без лишней серьёзности))_

Все совпадения в этой книге — чистая случайность. Ну, или почти все.

Если вдруг вы узнали в Светозаре своего соседа по лестничной клетке, который вечно смотрит так, будто знает про вас что-то важное — это просто игра света и тени (и, возможно, немного магии). Если в Иване вам мерещится знакомый парень из кофейни, который всегда берёт капучино и задумчиво смотрит в окно — это не портрет, а собирательный образ человека, которому просто очень нужно всё исправить (и желательно без лишних жертв).

А если вы вдруг нашли в городе переулок, где на углу стоит лавка с бархатными тканями, а в углу тихо ждёт зеркало… не подходите слишком близко. И нет, это не подсказка. Честно.

И да, ни один рубль в процессе написания книги не пострадал. Зато несколько чашек с отбитой ручкой были мысленно поставлены на подоконники — и это, пожалуй, самое

настоящее волшебство из всех.

Так что дышите спокойно: это просто история. Ну, и ещё чуть-чуть — напоминание, что мир держится на мелочах. И на тех, кто их замечает. ##

Глава 1. Кабинет на Марата, где даже тишина говорит по делу

Кабинет доктора Владлена Степановича Горюнава пах не пыльной философией, а старой кожей кресел, дорогим мужски одеколоном и чем-то ещё — терпким, как будто стены впитали в себя все чужие тревоги и теперь хранили их, и прятали от любопытных глаз и ушей. На стене висели дипломы, в ряд, как будто бы намекая нам, что хозяину данного кабинета есть чем гордиться. На столе стоял метроном, который как утверждают, служит инструментом для развития чувства ритма и времени. Но по моему мнению на него смотрят, когда собеседник начинает говорить самое трудное для себя. То чем сложно поделиться . За окном валил снег — густой, мокрый, налипающий на стёкла, будто пытался накрыть город густой пеленой. И спрятать его от любопытных глаз.

Дверь тихонько скрипнула, и в кабинет вошёл Иван Тапильс. Дорогое пальто в снежных хлопьях, воротник поднят, руки глубоко в карманах, будто он боялся, что если он вытащит их, то они расскажут о нем все. А он пока не особенно готов к этому, во всяком случае, так ему сейчас казалось.

— Проходите, садитесь, — спокойно сказал Владлен Степанович, не поднимая глаз от блокнота. Голос у него был густой и красивый, но такой, будто он привык не перебивать,

но слышать каждое слово. — Чай? Кофе? Или сразу к делу? Просто у меня после вас ещё двое, и оба уверены, что мир рушится именно сегодня.

Иван замер у кресла, будто боялся, что оно его осудит.

— Мне не чай, — хрипло сказал он. — Мне… хотелось, чтобы вы мне помогли, чтобы это закончилось.

Владлен Степанович наконец поднял глаза. В них внимательный, спокойный интерес.

— Что именно?

Иван сглотнул. Ему вдруг показалось, что если он произнесёт это вслух, то сделает это реальным. А если не произнесёт — то оно всё равно останется, только теперь ещё и в секрете.

— За мной ходят предвестники смерти, — выпалил он, как будто прыгнул в ледяную воду. — Я их вижу. Я их чувствую.

На секунду в кабинете стало тише, чем было. Даже снег за окном будто перестал шуршать. Владлен Степанович медленно отложил ручку.

— Простите, что?

— Предвестники. Они… следят. Ходят за мной.

Доктор чуть наклонил голову, будто пытался рассмотреть невидимое.

— И как они выглядят?

— Как тени, — сказал Иван, уже не так уверенно. — Только не просто тени. Они… шевелятся. И у них есть глаза. Я

вижу контуры их тел.

Владлен Степанович кивнул, будто услышал что-то вполне будничное.

— А вы уверены, что это не переутомление или перенапряжение? Какая атмосфера у вас дома, на работе. Или, скажем, слишком много кофе? У нас тут в Питере кофе пьют литрами, а потом удивляются, что видят всякое. Возможно вам недавно назначали лечение и вы пьете препараты?

В голосе доктора сквозил лёгкий сарказм, но не злой — скорее защитный. Как будто если пошутить над абсурдом, он станет меньше пугать. Ну а что вдруг сработает?

— Это не кофе, — твёрдо сказал Иван. — Вчера один из них сидел на моём подоконнике. Просто сидел и смотрел. А сегодня утром я нашёл на столе перо. Чёрное. Я не открывал окна, да и не держу я птиц.

Владлен Степанович на секунду задумался, потом потянулся к графину с водой, налил стакан и протянул пациенту.

— Выпейте. И давайте по порядку. Как вас зовут?

— Иван. Иван Тапильс.

— Хорошо, Иван. Значит, предвестники. И что они делают? Просто смотрят? Или… передают послания? Может, просят передать что-то близким?

Иван резко поставил стакан, вода плеснула через край.

— Они ничего не говорят! Они… предвещают! Это не шутки!

Владлен Степанович чуть приподнял бровь.

— Согласен, шутки тут ни к чему. Но знаете, в моей практике «предвестники» бывали разными. Один пациент видел, как его чайник ему кивает. Другой — что по Невскому идёт человек в костюме из денег. И знаете, что оказалось? Чайник был от недосыпа, а человек — от лекарства, которое не подошло пациенту. Ну и еще многое в этом же духе.

Иван уставился на него так, будто доктор только что отрицал существование гравитации. Да и вообще все существующие законы физики.

— Вы мне не верите? ? ?

— Я верю, что вы это видите? — спокойно ответил Владлен Степанович. — А вот насчёт того, что это реально… тут есть вопросы? Большие вопросы.

Иван провёл рукой по лицу, будто пытался стереть не только усталость, но и сам этот разговор и все что сейчас с ним происходит.

— А если это реально? Если они действительно приходят за кем-то? Вдруг я… следующий?

В кабинете снова повисла тишина. На этот раз она была другой — тяжёлой, густой, как сырой туман над Невой, замешанный на снежной крупе и морозе. Владлен Степанович посмотрел на фигурку на столе — это был ворон, вырезанный из дерева. Он собранным, будто знал, что делать, если вдруг что-то начнётся.

— Знаете, Иван, — тихо сказал доктор, — если бы смерть действительно рассылала курьеров, я бы ожидал чего-то бо-

лее эффектного. Ну, там, всадников, апокалиптических лошадей, нашествия саранчи, воду превращающуюся в кровь. … А не теней на подоконнике.

Иван слабо усмехнулся — впервые за весь разговор. Усмешка получилась горькой.

— Звучит глупо, да?

— Звучит… необычно, — дипломатично ответил Владлен Степанович. — Но глупость — это не диагноз. Страх — вот что нас сейчас интересует. Вы боитесь, что с вами что-то случится? Или чего-то еще?

Иван помолчал, глядя в окно, где снег наконец решил сменить тактику и пошёл косыми полосами, будто кто-то там наверху резко дёрнул занавес. Но Иван продолжал смотреть, туда пытаясь там разглядеть ответ увидеть его не смотря ни на что.

— Я боюсь, что уже случилось. Что я их вижу… и это значит, что обратного пути нет. Возможно, я уже умираю.

Владлен Степанович откинулся на спинку кресла, сложил пальцы домиком и посмотрел на пациента уже не как на странный случай, а как на человека, которому действительно страшно. Которому требуется не только психологическая помощь, а даже серьезное лечение.

— Тогда давайте серьезно разбираться. Не с предвестниками, а с тем, почему вы их видите. Потому что, знаете, в этом городе столько снега и серого, что любая тень начинает казаться зловещей. А тут много теней. Но мы все равно най-

дём, где прячется свет. Договорились?

Иван медленно кивнул.

— Договорились.

И впервые за всё время он сел в кресло — не на самый край, а нормально, будто решив, что если уж придётся разбираться с концом света, то хотя бы в тёплом месте и с комфортом.

Глава 2. Тени в метро и перо, которое не хочет быть просто пером

Иван ненавидел час пик в питерском метро. Не из-за толкотни — к этому он привык, хотя она тоже раздражала, но к ней привыкают как к скрипучей половице в старом доме. А из-за того, что в эти минуты город превращался в шумное, большое и очень равнодушное единое целое, где каждый пассажир был просто частью, спешащей по своим делам. И никто не замечал ничего, кроме собственных тревог и забот.

Он спускался по эскалатору, привычно уткнувшись в телефон, и думал: «Вот она, романтика мегаполиса. Я читаю письмо с налоговой или от друга который живет на другом конце нашей большой страны, пока вокруг меня люди мечтают просто доехать до мест куда им необходимо добраться.». Сарказм был его любимым способом не сойти с ума. Он работал как защита: если ты иронизируешь над абсурдом, значит, ты его контролируешь. Или хотя бы делаешь вид что контролируешь.

Поезд уже стоял у платформы, двери были распахнуты, как рот, готовый проглотить толпу. Иван шагнул вперёд, но вдруг замер. Не из-за преграды, и не из-за резкого окрика «проходите дальше», а из-за того, что на секунду ему пока-

залось, будто в отражении стеклянных дверей он увидел не себя.

А тень.

Но не просто тень. Она двигалась не в такт ему. Будто пыталась его обогнать, но при этом оставалась на месте. Какое-то движение без движения. Выглядело это странно и страшно. И у неё были глаза — два маленьких, тёмных провала, которые смотрели прямо на него и немного глубже, заглядывая в душу.

«Ну да, конечно, — тут же подумал Иван, пытаясь удержать сарказм как спасательный круг. — Просто стекло грязное. Или у меня пиксель на сетчатке вдруг перестал функционировать. Или я слишком много кофе выпил. В этом городе без кофе вообще нельзя выходить из дома, но и с ним, похоже, тоже нельзя». Ерунда какая-то в голову лезет сейчас.

Двери поезда начали закрываться. Толпа сзади подтолкнула его, и он влетел в вагон, едва не уронив телефон. Сел на свободное место, глубоко вдохнул, выдохнул. «Всё нормально. Просто устал. Просто город давит. Просто… не смотри в окна и не вглядывайся отражения, говорил он себе».

Но город будто не хотел, чтобы он не смотрел.

В вагоне было полно рекламы. На каждой панели — улыбающиеся люди, предлагающие кредиты, квартиры, курсы по личностному росту, счастье и любовь на всю жизнь найдем ее вам за пять минут. «Стань лучшей версией себя за неделю!» — кричала одна из них. Иван невольно усмехнул-

ся: «Ага, а я, видимо, становлюсь худшей версией себя за три секунды, а возможно и еще быстрее».

И тут он снова увидел это.

Не в стекле, не в отражении. Прямо в проходе, между двумя пассажирами, которые увлечённо смотрели в свои телефоны. Тень. Та самая. Она не шла, не бежала — она будто скользила, игнорируя законы физики и здравого смысла да и вообще всего сущего. И снова эти глаза. Провалы, смотрящие тебе в душу.

«Это не кофе, — вдруг понял Иван, и сарказм куда-то испарился, оставив после себя только холодную, неприятную правду. — Это что-то другое, страшное».

Он резко встал, чуть не ударившись о поручень головой, и рванул к выходу не вежливо расталкивая окружающих. Двери как раз начали открываться на следующей станции. Он выскочил на платформу, обернулся, ожидая увидеть эту тень прямо за собой, готовую напасть на него. Но там никого не было. Только люди, спешащие по своим делам, и реклама, обещающая, что всё будет хорошо.

«Конечно, будет, — пробормотал Иван, чувствуя, как по спине пробегает неприятный холодок. — Особенно если не оборачиваться». И быстро, быстро убегать.

До дома он добрался как в тумане. Поднялся на свой этаж, открыл дверь, включил свет. Квартира встретила его тишиной и запахом вчерашнего ужина. Он прошёл на кухню, налил стакан воды, сделал глоток. Повернулся и тут заметил на

столе чёрное перо.

Иван замер. У него не было птиц. Никогда. Даже в детстве. Откуда взялось перо?

«Ладно, — снова попытался он ухватиться за сарказм. — Допустим, оно залетело через форточку. Допустим, какая-то городская ворона решила, что моя кухня — это её личная кухня. Допустим…»

Но слово «допустим» уже не работало. Оно рассыпалось, как песок сквозь пальцы. Реальность рассыпалась на части, причем очень быстро.

Иван сел на стул, опустил голову в ладони и впервые за долгое время почувствовал, что ему по-настоящему страшно. Не за работу, не за ипотеку, не за что-то в этом роде. А за что-то гораздо более фундаментальное — за свою реальность.

К вечеру он понял, что больше не может делать вид, что всё в порядке. Он открыл браузер, набрал в поиске «психиатр спб», пролистал несколько страниц и в итоге записался на приём к доктору Горюнаву. Адрес был на Марата — в старом доме с высокими потолками и тяжёлыми дверями. Как раз в таком месте, где даже тишина звучит дорого не говоря уже об всем остальном.

Глава 3. Ворон, который знает больше, чем положено

После первого приёма Иван ушёл от доктора Горюнава с одним странным чувством: впервые за долгое время у него появился план. Не спасение, не чудо, а просто список действий. Владлен Степанович не сыпал терминами и не торопился с диагнозом. Что успокаивало Ивана и направляло его действия. Вместо этого дал чёткое задание: вести дневник, фиксировать моменты, когда появляются тени, записывать ощущения и детали. Появилась фиксация на реальности которая пыталась дать трещину.

— Если это галлюцинации — мы найдём триггер, — ровно сказал он. — Если это реальность — у нас хотя бы будет хронология.

Иван кивнул. План не обещал, что тени исчезнут, но обещал, что он не будет стоять перед ними с пустыми руками.

Дома он первым делом сфотографировал чёрное перо. Фотография это хоть какое-то доказательство. Потом убрал перо в коробочку, поставил её на полку и постарался не смотреть в ту сторону. Получалось из рук вон плохо.

На следующий день Иван снова пришёл к Владлену Степановичу. На улице по-прежнему шел снег, но теперь он казался не враждебным, а каким-то усталым — будто даже

природа выдохлась пугать.

— Ну что, есть что-то новое? — спросил Владлен Степанович, едва Иван переступил порог. В голосе не было ни насмешки, ни излишнего сочувствия — только профессиональная заинтересованность.

Иван сел в то же кресло, на этот раз не на самый край.

— Я… фотографировал перо.

Владлен Степанович чуть приподнял бровь.

— Интересный метод фиксации данных. И что показала фотография?

— Ничего особенного. Просто перо. Чёрное. Обычное.

Доктор кивнул, будто услышал именно то, что ожидал.

— Значит, магия не работает на цифре. Жаль. А то я бы уже отправил снимок в научный журнал: «Новый вид галлюцинаций, не фиксируемых камерами». И возможно мне бы за это даже заплатили.

Иван слабо усмехнулся. Сарказм доктора странным образом работал как обезболивающее.

— А ещё… — Иван запнулся, чувствуя, как глупо звучат следующие слова. — Ещё мне кажется, что ворон на вашем столе… смотрит на меня.

Владлен Степанович перевёл взгляд на деревянную фигурку. Ворон и правда выглядел так, будто знает больше, чем положено этой фигурке.

Есть легенда говорят, что вороны чувствуют, когда рядом творится что-то… странное и необычное чаще не принадле-

жащие миру обычных людей..

Иван замер.

— Вы это серьёзно?

— Да, — уточнил Владлен Степанович. — А насчёт того, чувствует ли он что-то на самом деле… ну, если бы он заговорил, я бы, пожалуй, сам записался к коллеге.

И тут случилось нечто странное.

Едва доктор договорил, ворон будто вздрогнул. Как будто просто тень скользнула как от внезапного сквозняка. Но в кабинете не было сквозняка: окна были плотно закрыты, а отопление работало на полную.

Иван уставился на фигурку.

— Вы видели?

Владлен Степанович наклонился вперёд, прищурился.

— Видел… что?

—По нему пробежала тень. Как будто он… пошевелился.

Доктор помолчал секунду, потом медленно протянул руку и коснулся ворона. Пальцы скользнули по прохладному дереву.

— Тёплый, — неожиданно сказал он. — Странно. Обычно он холодный, даже когда в комнате жарко.

Иван почувствовал, как по спине пробежал холодок, совсем не похожий на озноб.

— Может, это… из-за батарей и их тепла?

— Батареи слева, а он нагрелся справа, — тихо ответил Владлен Степанович, не убирая руку. — Как будто нагрел-

ся… изнутри.

В кабинете повисла тишина. Даже снег за окном, казалось, перестал шуршать.

— Знаете, Иван, — вдруг сказал доктор, — Говорят, что некоторые предметы… впитывают события. Как губка. И иногда, когда вокруг происходит что-то сильное, они «оживают».

— И вы в это верите? — хрипло спросил Иван.

— Я верю в то, что люди чувствуют вещи по-разному, — спокойно ответил Владлен Степанович. — И если вы чувствуете, что этот ворон… живой, значит, для вас он живой. А это уже важный симптом.

— Но если это не симптом? — упрямо сказал Иван. — Если это правда.

Доктор чуть наклонил голову, будто прислушивался к чему-то, чего не слышал никто другой.

— Тогда давайте проверим. Расскажите мне ещё раз мне все, про перо, про что помните: где его нашли, как выглядело, что чувствовали в тот момент.

Иван снова описал утро: пустую квартиру, стакан воды, и вдруг — чёрное перо на столе, будто кто-то специально положил его туда, чтобы Иван заметил.

— А вы не пробовали его… рассмотреть поближе? — спросил Владлен Степанович.

— Боялся, — честно признался Иван. — Казалось, если возьму его в руки, случится что-то плохое.

Доктор кивнул.

— Страх это хороший компас. Но иногда нужно сделать шаг навстречу, чтобы понять, что там прячется в темноте. Принесите его сюда.

У Ивана внутри всё сжалось.

— Зачем?

— Потому что, если это просто перо — оно останется пером. А если это… ключ к чему-то, как вы сами подумали. Иван вернулся через два дня. Коробочку он нёс в кармане пальто, прижимая к груди, как будто боялся, что она выскользнет и улетит. В кабинете было тепло. Владлен Степанович сидел за столом, а ворон поблескивал в свете настольной лампы.

Иван молча достал коробочку, открыл её и осторожно вынул перо. Оно было лёгким, почти невесомым, но в руке ощущалось странно тяжёлым — как будто весило не граммами, а воспоминаниями или чем-то еще.

Он положил перо на стол, чуть поодаль от ворона, и отдёрнул руку, будто боялся обжечься.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом ворон тихо щёлкнул клювом. Совсем чуть-чуть — как будто дерево коснулось стекла.

Перо дрогнуло.

Просто изогнулось, будто живое, и медленно, почти неохотно, поползло по гладкой поверхности стола — прямо к фигурке ворона.

Иван отшатнулся. Владлен Степанович замер, не сводя глаз с этой странного действия.

Перо коснулось лапы ворона — и застыло.

А потом… засветилось. Не ярко, а так, как светится старый фосфор в темноте: мягким, холодным светом.

Свет длился всего несколько секунд. Потом погас. Перо осталось лежать у лапы ворона, обычное, чёрное, ничем не примечательное.

— Это… — начал Иван и замолчал, потому что голос не слушался.

Владлен Степанович медленно выдохнул.

— Да. Это было мммм… необычно.

— Необычно? — почти взвизгнул Иван

Глава 4. Когда предметы начинают шептать

— Необычно? — еще раз переспросил Иван, и голос его сорвался на хриплый смешок, в котором не было ни капли веселья. — Это было странно, очень странно.

Владлен Степанович не стал спорить. Он вообще перестал выглядеть как доктор из учебника: не делал пометок, не сидел с видом «ага, типичный случай для моей практики». Вместо этого он смотрел на перо у лапы ворона так, будто пытался запомнить каждую его бороздку, каждую тень на чёрной поверхности.

— Возможно, — тихо сказал он. — Просто мы не знаем правил. Нам не хватает знаний по данному факту.

Он осторожно, двумя пальцами, поднял перо и поднёс к свету. На стержне, почти незаметно, проступали тонкие, выцветшие буквы.

— Здесь что-то написано, — пробормотал Владлен Степанович. Надо рассмотреть.

Он достал из ящика стола лупу, наклонился, задержав дыхание на секунду. Иван замер, будто боялся, что любой звук — даже его собственный вдох — смажет эту надпись, сделает её невидимой.

— «Помни, кто ты есть», — прочёл доктор вслух. И чуть

ниже, ещё мельче: — «Петроград, ноябрь 1917».

У Ивана внутри всё сжалось. Ноябрь. Тот самый месяц, когда город будто раскололся пополам, и в трещинах между половинами стало видно что-то, чего видеть не полагалось. И чего в сущности не должно было быть.

— 1917? — прошептал Иван. — Но… как?

— Видимо, перо было чьим-то личным, — задумчиво сказал Владлен Степанович, всё ещё держа лупу. — В те годы писали перьями… и оставляли такие пометки. На случай, если письмо попадёт не в те руки. Или… если его найдёт тот, кому оно предназначено.

Иван посмотрел на ворона. Тот снова казался просто деревянной фигуркой — спокойной, равнодушной, собранной. Но теперь Иван знал: он не равнодушен. Он ждал.

— Что нам делать? — спросил Иван.

Владлен Степанович аккуратно положил перо обратно на стол, рядом с вороном, будто возвращая его на место.

— Сначала — не паниковать. Потом — копать. У меня есть доступ к архивам. Мой дед собирал старые документы, газетные вырезки, письма. Если это перо из 1917 года, возможно, там найдётся что-то похожее. История, которая… перекликается с вашей.

— Вы правда хотите этим заниматься? — недоверчиво спросил Иван.

Доктор улыбнулся — не весело, а как человек, который только что принял решение, от которого нельзя отказаться.

— Видимо, перо было чьим-то личным, — задумчиво сказал Владлен Степанович, всё ещё держа лупу. — В те годы писали перьями… и оставляли такие пометки. На случай, если письмо попадёт не в те руки. Или… если его найдёт тот, кому оно предназначено.

Иван посмотрел на ворона. Тот снова казался просто деревянной фигуркой — спокойной, равнодушной, собранной. Но теперь Иван знал: он не равнодушен. Он ждал.

— Что нам делать? — спросил Иван.

Владлен Степанович аккуратно положил перо обратно на стол, рядом с вороном, будто возвращая его на место.

— Сначала — не паниковать. Потом — копать. У меня есть доступ к архивам. Мой дед собирал старые документы, газетные вырезки, письма. Если это перо из 1917 года, возможно, там найдётся что-то похожее. История, которая… перекликается с вашей.

— Вы правда хотите этим заниматься? — недоверчиво спросил Иван.

Доктор улыбнулся — не весело, а как человек, который только что принял решение, от которого нельзя отказаться.

Иван замер.

— Воронов?

— Да, — Владлен Степанович поднял глаза. — Не просто птиц, а… организованных. Как будто они чего-то ждали.

Дальше шли письма — короткие, торопливые, написанные карандашом, который уже почти стёрся. Одно из них ле-

жало отдельно, в конверте без адреса. Владлен Степанович осторожно достал его, развернул.

— «Я не знаю, сколько это продлится, — прочёл он вслух. — Но я вижу их. Они ходят за теми, кто должен что-то сделать. Не спасти, не умереть — а вспомнить. Помни, кто ты есть.».

Иван почувствовал, как по спине пробежал холодок, совсем не похожий на озноб.

— Это… — начал он.

— То же самое, что на пере, — закончил Владлен Степанович. — «Помни, кто ты есть».

Он посмотрел на Ивана — не как на пациента, а как на человека, который вдруг оказался в центре чужой, очень старой истории.

— Похоже, это не просто перо, — тихо сказал доктор. — Похоже, это… приглашение.

На улице снова шёл снег — густой, мокрый, налипающий на ресницы. Иван и Владлен Степанович вышли из подъезда, щурясь от резкого света фонарей, которые отражались в снежной каше.

— Куда теперь? — спросил Иван, сунув руки в карманы. Пальцы всё ещё подрагивали.

— К одному человеку, — ответил Владлен Степанович, застёгивая пальто. — Старой знакомой деда. Она знает городские легенды лучше, чем учебники по истории. Если эти слова и эти тени — часть какой-то старой цепочки, она под-

скажет, где искать следующее звено.

Её звали Анна Петровна, и жила она в коммуналке на Петроградской стороне — в квартире с высокими потолками и скрипучими полами, где казалось, что стены помнят все разговоры, которые когда-либо здесь велись.

Анна Петровна встретила их в длинном вязаном кардигане, с чашкой чая в руках. На столе стояла старая фотография: молодая женщина в пальто, рядом — ворон на заборе.

— Знаю я эти слова, — сказала она, едва взглянув на перо, которое Иван положил на стол. — «Помни, кто ты есть». В нашем городе их шептали ещё до революции. Говорили, что это пароль. Для тех, кто видит лишнее.

— Лишнее? — переспросил Иван.

— То, что другим не положено видеть, — спокойно ответила Анна Петровна. — Тени, которые ходят не по своим делам. Птицы, которые знают больше, чем положено. И люди, которые вдруг начинают вспоминать то, чего с ними не случалось.

— И что это значит? — спросил Владлен Степанович.

— А то, что город иногда открывает дверь, — сказала Анна Петровна, глядя куда-то мимо них, будто видела в углу комнаты что-то, невидимое остальным. — И если ты вошёл — назад уже не выйти.

Она протянула Ивану фотографию.

— Эта женщина — моя прабабушка. Она тоже видела тени.

Иван взял снимок дрожащими пальцами. На обороте было выведено карандашом: «Не бойся и помни».

— Она… справилась? — тихо спросил он.

Анна Петровна чуть улыбнулась — грустно, но без отчаяния.

— Она не справилась, — сказала она. — Она приняла. И стала хранителем. Теперь, похоже, эта очередь дошла до тебя.

Иван сглотнул. Ему вдруг стало ясно: он больше не может делать вид, что это просто переутомление.

— Я не хочу быть хранителем, — прошептал он.

— Никто не хочет, — мягко сказала Анна Петровна.

Глава 5. Когда скептик перестаёт закрывать глаза

Владлен Степанович вернулся в кабинет поздно. Город уже натянул на себя тёмную шаль ночи, фонари горели устало, но ярко, будто им надоело доказывать, что тут вообще есть жизнь. Он щёлкнул выключателем, и свет упал на знакомый стол: стопка папок, блокнот с неразборчивыми пометками, пустая чашка … и ворон.

Тот сидел, как всегда, — крылья чуть приподняты, клюв острый, взгляд внимательный. Но сегодня в этой внимательности было что-то новое. Будто он не просто смотрел, а оценивал: «Ну, и что ты теперь будешь делать?»

Владлен Степанович поморщился. Усталость всегда подкидывает странные мысли. Он снял пальто, повесил на вешалку, сел за стол, потянулся к графину с водой. И только тогда заметил: ворон смотрел не прямо, а чуть вбок — туда, где на краю стола лежала тонкая папка, которой вчера не было.

Он точно помнил: вчера он убирал все документы в шкаф, чтобы освободить место для записей по новому пациенту. Папка была тёмно-коричневая, потрёпанная, с выцветшей наклейкой: «Петроград, 1917–1918. Личные заметки». И на ней — знакомый почерк деда. Тот самый, который Владлен

Степанович узнавал даже сквозь годы и пыль.

— Этого не может быть, — тихо сказал он вслух, будто проверяя, не сошёл ли он с ума. — Я сам убирал всё в шкаф.

Но папка лежала здесь. И она была открыта.

Владлен Степанович медленно, будто боялся спугнуть реальность, протянул руку и приподнял край страницы. На пожелтевшей бумаге аккуратным, твёрдым почерком деда было выведено:

«Если ты читаешь это, значит, ворон подал знак. Не пытайся объяснить всё логикой. Логика здесь работает, как фонарик в шторм: светит, но не спасает. Тени приходят не к безумцам. Они приходят к тем, кто способен их увидеть.»

Владлен Степанович отдёрнул руку, будто страница обожгла пальцы. Он встал, обошёл стол, снова сел, провёл ладонью по лицу.

— Это невозможно, — повторил он, но уже тише, без прежней уверенности. — Дед умер десять лет назад. Он не мог положить сюда эту папку.

Ворон чуть повернул голову. Совсем немного — так, что, если бы Владлен Степанович моргнул, он бы этого не заметил. Но он не моргнул.

— Ты… — он запнулся, чувствуя, как нелепо звучат следующие слова. — Ты что, двигаешься?

Тишина ответила ему ровным тиканьем старых часов на полке.

Владлен Степанович резко встал, подошёл к шкафу, рас-

пахнул дверцу. Внутри папки стояли ровно, перевязанные бечёвкой, как он их и оставил. Ни одной лишней. Он вернулся к столу, снова посмотрел на папку. Она была на месте.

— Ладно, — пробормотал он, садясь обратно. — Допустим, я её не заметил. Допустим, она была там, просто я не увидел. Но… почерк. Это почерк деда. И эти слова…

Он снова перечитал записку. На этот раз не как случайность, а как послание. И от этого по спине пробежал холодок, совсем не похожий на озноб.

Он сел и начал читать. Страница за страницей, строчку за строчкой. Дед писал не о болезнях, не о симптомах, а о городе. О том, как Петроград в 1917 году будто раскололся пополам, и в трещинах между половинами стало видно что-то, чего видеть не полагалось. О людях, которые вдруг начинали слышать шёпот на пустых улицах. О тенях, которые шли не по своим делам. И о воронах — чёрных, молчаливых, будто знающих больше, чем положено птицам.

«Они не приносят смерть, — писал дед. — Они напоминают о ней. Не чтобы напугать. А чтобы человек вспомнил, кто он есть. Пока не стало слишком поздно

».

Владлен Степанович закрыл папку, откинулся на спинку кресла и посмотрел на ворона. Тот снова смотрел прямо — спокойно, терпеливо, будто знал, что сейчас решается что-то важное и нужное.

— Я всю жизнь верил в науку, — тихо сказал Владлен

Степанович, будто ворон мог его услышать. — В то, что у всего есть объяснение. Что если ты не можешь измерить — значит, этого нет.

Ворон не ответил. Но в его деревянной неподвижности было что-то, что заставляло прислушаться.

— А теперь я сижу и разговариваю с деревянной фигуркой, потому что она… двигалась. И читаю записки деда о тенях, потому что они совпадают с тем, что видит мой пациент. И я не знаю, что страшнее: поверить в это или продолжать делать вид, что ничего не происходит.

На следующее утро он пришёл на работу раньше обычного. Кабинет ещё пах ночной тишиной, воздух был прохладным, почти звенящим. Ворон стоял на своём месте. Владлен Степанович замер у двери, ожидая… чего-то. Шага, шороха, поворота головы. Но фигурка была неподвижна.

— Ну вот, — выдохнул он, снимая пальто. — Значит, вчера просто усталость. Просто тени. Просто…

И тут он увидел это.

На столе, рядом с вороном, лежало перо. Чёрное, лёгкое, с тонким стержнем. То самое, которое Иван принёс на приём. Но Владлен Степанович точно помнил: он положил его в конверт и убрал в сейф. В железный, тяжёлый сейф с кодовым замком, который он сам закрывал.

Перо лежало здесь. На столе. Рядом с вороном.

Владлен Степанович подошёл, медленно наклонился, не сводя глаз с предмета, будто он мог исчезнуть, если морг-

нуть. Он протянул руку, коснулся пера кончиком пальца. Оно было холодным. Реальным.

— Этого не может быть, — прошептал он. — Этого просто не может быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.